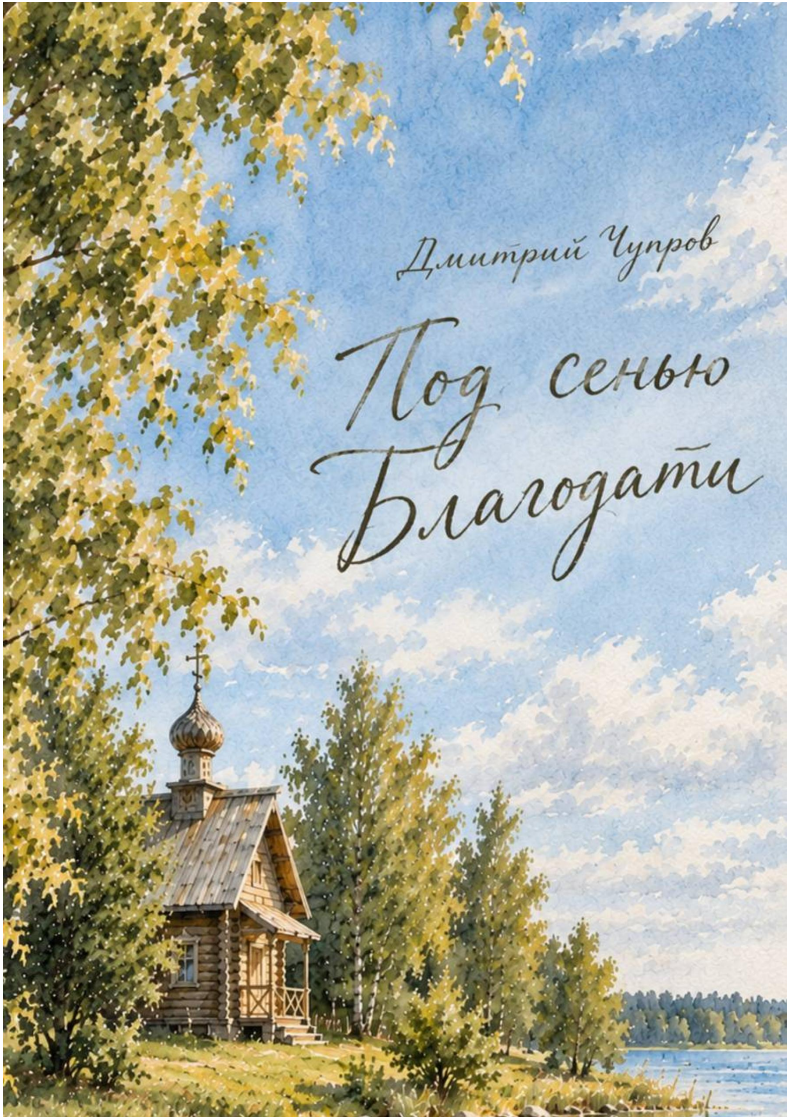

Дмитрий Чупров
Под сенью Благодати

Дмитрий Чупров

Под сенью благодати

https://litres.ru/74818757
SelfPub; 2026

Аннотация

Одинокий путник без прошлого и четкой цели бредёт по дорогам Русского Севера. Пытаясь уйти от внутренних тревог, он растворяется в тишине и красоте озёрного края, пока путь не приводит его в затерянную деревеньку прямо в день Яблочного Спаса. Здесь, на самом берегу, он натыкается на крохотную деревянную церковь Преображения Господня, которая оказывается необычным подворьем «Благодать» — уединённым ковчегом спасения для слепоглухих детей.

Повесть-притча рассказывает о свободе выбора, подлинном уважении к человеческой немощи и обретении нерушимого внутреннего стержня.

Дмитрий Чупров
Под сенью благодати

Под сенью благодати

«...и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет»

(Евангелие от Матфея 17:2)

I

Август медленно катился к своему излёту, оставляя на траве по утрам тяжёлую, хрустальную росу. Я шёл по каменистой грунтовой дороге, и солнце только-только поднималось над горизонтом. Его первые, ещё робкие лучи ровным золотом ложились мне на плечи. Сверху, пробиваясь сквозь лёгкую синеву бескрайнего неба, этот чистый утренний свет мягко падал на мой поношенный плащ, словно согревая со спины и благословляя на новый день пути. Я остановился, опёрся на дорожный посох и поднял глаза, пристально всматриваясь в открывшийся впереди пейзаж. Он казался сошедшим со старинного полотна.

Вокруг расстилался просторный, холмистый край. Вся земля здесь была укрыта ровной, достаточно низкой травой, уже тронутой едва заметной предосенней желтизной. Пологие холмы плавно перетекали один в другой, создавая удивительное ощущение бесконечного покоя, простора и абсо-

лютного уединения. На этих зелёных склонах редкими островками высились невысокие, приземистые деревья. Одно из них, с густой, округлой кроной, росло совсем рядом с изгибом дороги, пряча в своей утренней тени массивный, замшелый валун — векового свидетеля здешней тишины. Чуть поодаль, на соседнем взгорке, застыли ещё несколько таких же редких, низких деревьев, чьи листья уже начали ловить первые яркие всполохи августовской позолоты.

Вся здешняя архитектурная застройка была удивительно редкой, ненавязчивой и словно растворялась в строгом северном ландшафте. Вдалеке, на фоне чистейшего рассветного неба, по которому лениво плыли редкие пушистые облака, чётко угадывались силуэты немногочисленных деревянных построек. Несколько тёмных бревенчатых изб, раскиданных на большом расстоянии друг от друга, казались естественным продолжением этих холмов. Справа, на самой вершине, раскинула свои потемневшие от времени деревянные крылья старинная ветряная мельница. Она застыла в полном оцепенении, будто в ожидании плотного ветра.

От этого зрелища веяло звенящей, первозданной тишиной. Весь этот мир — с его низкой травой, редкими деревьями, вековыми брёвнами построек и огромным куполом неба — казался единым целым. Я глубоко вдохнул прохладный, пахнущий озерной влагой и сухими травами воздух и снова пошёл вперёд, чувствуя, как утреннее солнце согревает не только моё тело, но и уставшую от долгих скитаний душу.

Я шёл не торопясь, нарочно замедляя шаги, чтобы не спугнуть это звенящее утреннее безмолвие. В такие мгновения понимаешь, что мир вокруг — это не просто пейзаж, а живое, дышащее полотно, созданное Творцом с невероятной, чуткой любовью. Мой взгляд скользил по мелочам, в каждой из которых таилась своя негромкая радость.

Прямо передо мной из низкой, покрытой росой травы вспорхнула маленькая серая птичка. Она пролетела совсем близко, едва не задев крылом полу моего плаща, и скрылась в густой кроне приземистого дерева. Этот стремительный, живой росчерк в воздухе заставил меня улыбнуться. Чуть дальше, на вершине холма, ожила старинная мельница. Плотный, прохладный ветерок, пришедший откуда-то со стороны невидимого пока озера, мягко толкнул её потемневшие от времени крылья. Лопасти мельницы начали двигаться — медленно, грузно, с едва слышным, убаюкивающим деревянным поскрипыванием, будто само время лениво отсчитывало свои неспешные шаги.

Я поднял голову к чистому рассветному небу, где в вышине, поймав восходящие потоки воздуха, кружил ястреб. Он парил высоко и свободно, величественно и редко взмахивая своими широкими крыльями. В его свободном полёте было столько царственного покоя, что я на секунду затаил дыхание, заворожённый этой безупречной гармонией. Вся земля вокруг — от крошечной птицы до парящего хищника, от каждой травинки до огромного неба — славила этот новый

день.

Я продолжал идти, но само ощущение движения будто исчезло. Шаг за шагом я переставал чувствовать себя просто прохожим, посторонним зрителем, который со стороны наблюдает за чужой жизнью. Моё «я» — со всеми его прошлыми тревогами, глухими вопросами и дорожной усталостью — тихо растворялось в этом бескрайнем Божьем мире.

Я вдруг отчётливо осознал, что не смотрю на этот мир, а дышу им. Я стал частью этой предрассветной тишины. Моё дыхание мешалось с прохладным, влажным вздохом проснувшейся земли, а стук сердца странно и ровно совпадал с тяжёлым, мерным поскрипыванием лопастей далёкой мельницы. Я почувствовал себя единым целым со всем, что меня окружало: и с той крошечной серой птицей, что скрылась в листве, и с царственным ястребом, который держал на своих крыльях само небо.

Это было удивительное, ни с чем не сравнимое чувство абсолютного сиротства и одновременно — абсолютного обретения дома. У меня не было здесь своего угла, но вся эта земля, укрытая низкой августовской травой под куполом чистого неба, была моим прибежищем. Я не был чужаком. Я был вплетён в этот день, в этот утренний свет, падающий на мои плечи, в саму эту дорогу. Я стал просто ещё одной точкой на бескрайнем холмистом просторе, такой же естественной и нужной здесь, как вековой валун у обочины. Всё вокруг было живой молитвой, и я, сам того не замечая, стано-

вился её частью, двигаясь вперёд в полной и радостной тишине.

Вся эта бесконечная красота вела меня к ясной цели. Я точно знал, куда держу путь. Сегодня — Преображение Господне. Я шёл в затерянную среди этих холмов деревню, чтобы встретить этот светлый день на праздничной литургии.

Постепенно просторные, пустынные луга, где хозяйничали только ветер, редкие птицы, раскиданные вдалеке бревенчатые избы да застывшая на вершине холма старинная ветряная мельница, начали уступать место иному ландшафту. Пологие холмы словно расступились, и натоптанная песчаная дорога, совершив крутой изгиб, вывела меня прямо к воде. Пейзаж в одно мгновение сузился и сделался удивительно уютным, домашним, живым. Передо мной открылась небольшая, уединённая бухточка на самом берегу бескрайнего, уходящего к горизонту озера. Вода в ней стояла неподвижно и тихо. Она была настолько прозрачной и чистой, что казалась огромным горизонтальным зеркалом, в котором до мельчайших подробностей отражалась утренняя лазурь и пушистые предрассветные облака.

Прямо у самой кромки воды, на каменистом сером берегу, застыли старые деревянные лодки. Их длинные, изящно вытянутые носатые силуэты и потемневшие от времени, просмоленные борта лежали на мелководье, слегка покачиваясь на невидимой глазу зыби. Некоторые из них были надежно привязаны к шатким, почерневшим от постоянной сырости

деревянным мосткам, сбитым из толстых сосновых брёвен. Над самой этой лодочной стоянкой, обняв берег, росли высокие белоствольные берёзки. Они склонили свои тонкие, гибкие ветви к самому зеркалу озера, и их мелкая, ещё изумрудная листва едва слышно шелестела от слабого прибрежного сквозняка.

Здесь же, буквально в паре шагов от воды, стояла приземистая бревенчатая мастерская — старая судостроительная избушка плотника. От неё на много метров вокруг веяло неповторимым, густым духом ремесла: пахло свежей сосновой стружкой, перегретой на солнце смолой, сухими водорослями и подсохшим болотным мхом, которым когда-то конопатили венцы. Было очевидно, что в этом уединении живёт и трудится местный мастер, который из поколения в поколение ладит эти крепкие, остойчивые лодки для всей округи. Избушка выглядела живой и обитаемой: из её невысокой печной трубы поднимался тонкий, едва заметный сизый дымок, который тут же растворялся в чистом небе. Деревня, укрытая в этой озерной излучине, уже просыпалась.

Оставив тихую бухточку позади, я поднялся на пригорок и вошёл в саму деревню. Она вся, сколько хватало глаз, тянулась узкой, извилистой лентой вдоль этого бескрайнего, сверкающего на солнце озера. Участки здесь теперь стояли часто-часто, тесно прижимаясь друг к другу своими маленькими деревянными заборчиками, словно искали защиты от суровых зимних штормов и делились накопленным за корот-

кое лето теплом. Вся деревенька была совсем крошечной, затерянной на краю земли — от силы две улицы, на которых уютно расположилось домов двадцать, не больше. Здесь не было дорожного шума, заборов в человеческий рост или глухих стен. Время словно замедлило свой ход, подчиняясь мерному плеску озерной волны.

Участки вокруг этих жилищ были на удивление просторными, широкими, уходящими далеко вглубь холмов. Земля на них оставалась совершенно свободной, чистой, ничем не засаженной. Лишь ровная, сочная, очень ухоженная низкая травка зелёным ковром покрывала всю территорию вокруг построек, создавая ощущение строгого порядка и глубокого монастырского спокойствия.

Сами же домики были под стать своей уединенности — совсем маленькие, деревянные, рубленные из вековых толстых брёвен, которые от времени и суровых северных ветров приобрели благородный, глубокий серебристо-коричневый оттенок. Они выглядели настолько скромно и компактно, будто каждый из них состоял всего-навсего из одной-единственной жилой комнатки под простой шиферной крышей. В этих избушках чувствовалась строгая северная сдержанность: ничего лишнего, ничего напоказ.

Вокруг участков тянулись низкие, редкие деревянные заборы, сколоченные из простых, выцветших на солнце серых досок. Они были такими приземистыми и хрупкими, что оставалось совершенно непонятным, от кого или от че-

го они вообще могут ограждать жителей. Любую из этих изгородей можно было спокойно перешагнуть одним широким шагом, даже не придерживаясь рукой за покосившийся столбик. В них не было ни капли желания отгородиться от мира, спрятать свою жизнь от чужих глаз или заявить на право собственности. Эти скромные жерди лишь мягко и условно определяли границы территорий, отделяя одну чистую лужайку от другой. В этой удивительной открытости, в этих беззащитных заборчиках сквозило такое глубокое, первозданное доверие местных жителей друг к другу и к каждому случайному прохожему, что моя истосковавшаяся по человеческому теплу душа окончательно оттаяла. Я шёл по деревенской улице, как по открытой, честной книге, где людям нечего скрывать и некого бояться.

Однако сегодня в этой обычно сонной, погруженной в созерцание и утреннюю тишину деревне чувствовалось особенное, торжественное и радостное оживление. Воздух был буквально пропитан невидимыми токами праздника, ведь сегодня был Яблочный Спас. Редко попадающиеся на улицах люди заметно суетились, отложив привычные заботы, и вовсю готовились к важному для них празднику. Возле маленьких деревянных домиков то и дело мелькали светлые, выстиранные до белизны праздничные платки женщин и чистые, отглаженные рубахи мужчин. Атмосфера не была суетливой или нервной — она была чинной, сосредоточенной и радостной.

На крыльце одной из избушек, прямо под теплыми лучами поднявшегося солнца, стояла пожилая женщина. Она бережно, с каким-то особенным благоговением протирала белым льняным полотенцем глубокое деревянное блюдо, готовя его для праздничного стола. Чуть дальше, прямо на ухоженной низкой траве у невысокого забора, стояли большие плетёные из ивовых прутьев корзины. Они были доверху наполнены спелыми, тугими, невероятно пахучими яблоками. Их глянцевые бока — где-то ярко-красные, где-то золотисто-зелёные — ловили рассветный свет и блестели от утренней росы. Это были первые плоды нового, скупого на тепло северного урожая, которые бережно собирали накануне и хранили для скорого освящения в храме. Густой, сладкий яблочный аромат смешивался с горьковатым запахом полыни у дороги и прохладной свежестью озерной воды, создавая ни на что не похожий запах этого праздничного утра.

Я шёл мимо этих открытых дворов. Под этим чистым августовским небом, среди этих маленьких домиков и корзин со спелыми яблоками, я шёл к Богу вместе со всей этой притихшей, праздничной деревней.

Песчаная деревенька вела меня вперёд, и дома стояли по обе стороны от неё. Церковь располагалась прямо среди этих построек, гармонично вплетаясь в неспешный ритм здешней жизни. И до, и после неё у дороги были разбросаны точно такие же крошечные, потемневшие избушки.

Сам храм стоял у самой воды. Он был совсем крохотным,

маленьким, больше похожим на уединённую прибрежную часовню. Срубленная из ровных, гладких брусьев приятного золотисто-коричневого оттенка, церковь казалась естественным продолжением этого строгого пейзажа. Двускатная крыша, покрытая потемневшим деревянным лемехом, местами уже поросла мягким зеленоватым мхом. Сверху над ней возвышался скромный деревянный барабан, увенчанный простым восьмиконечным крестом, который чётко выделялся на фоне облачного неба. Узкие, вытянутые окна в лаконичных бордовых рамах смотрели на воду, ловя скупые лучи августовского солнца.

Прямо перед церковью раскинулась небольшая чистая полянка с ухоженной низкой травкой. Вокруг стен была аккуратно выложена дорожка из плоских, плотно пригнанных друг к другу диких камней. Полянка мягко обрывалась у самой кромки воды, переходя в естественный, пологий спуск к озеру, берег которого был выложен крупными валунами. Озеро здесь дышало прохладой, уходя своей свинцово-синей гладью к самому горизонту.

Рядом с церковью стоял небольшой деревянный домик и просторная беседка. Там, под её навесом, на длинном столе, укрытом светлой скатертью, уже был накрыт столик для праздничной трапезы любви после службы. На деревянных столбах беседки и над входом в сам храм висели сплетённые из еловых ветвей гирлянды, украшенные живыми цветами и первыми румяными яблоками.

Я поднялся по низким деревянным ступеням. Там, на самом крылечке, прямо у входа в саму церковь, висела маленькая скромная иконка в простом деревянном окладе. Я подошёл ближе и вгляделся в лик. На ней был изображён Спаситель в сияющих белых одеждах на горе Фавор. Я замер на крыльце, поражённый внезапным осознанием: я просто искал церковь в глухой деревне для посещения праздничной литургии, а пришёл в храм Преображения Господня. Оказалось, что у этой крохотной прибрежной церкви сегодня престольный праздник. Мой слепой, интуитивный путь, начавшийся неизвестно где, чудесным образом привёл меня именно туда, где меня ждал этот особенный, главный свет.

II

Я протянул руку, коснулся тёплого, потемневшего от времени дерева и мягко толкнул входную дверь. Она поддалась легко, без привычного резкого гула, и я переступил порог, мгновенно оказываясь в пространстве совершенно иной, пронзительной реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.